

Петр Ярытик - герой войны за ядерную мощь Родины

С. Т. БРЕЗКУН

П. А. Ярытик

В октябре 2023 г. исполняется 110 лет со дня рождения одного из героев-первопроходцев Атомной проблемы Петра Андреевича Ярытика (1913–1954), которому был отмерен всего сорок один год жизни. Он ярко жил, и сгорел мгновенно...

НЕРЕДКО из широкой памяти поколений выпадают имена, достойные громкой славы не меньше чем те, кто эту славу – вполне заслуженно – обрел.

Во время войны закрывали грудью амбразуру полтысячи советских воинов. Многие из них получили звание Героя Советского Союза посмертно, хотя кто-то и выжил. Но широко известно имя одного только Александра Матросова. Этот факт не умаляет, конечно, величия и сути его подвига. Более того, зная о сотнях таких же, как он, начинаешь лучше понимать и ту Россию, «у которой на все достаёт запасных», и самого Матросова... О чем сам он и «матросовцы» думали в последние минуты – знали только они. Но вряд ли они, понимая, что вот-вот пойдут на подвиг, что жить осталось, наверное, всего ничего, ощущали себя героями. Они просто знали, что вот – огрызающийся дзот, вот – залегшая рота... А гранаты кончились, а дзот должен замолчать. Кроме как собой вражескую амбразуру закрывать нечем.

Значит, ее надо закрыть собой.

О Матросове мы здесь вспоминаем не случайно, а далее речь – о Петре Андреевиче Ярытике... В биографической энциклопедии «Атомное оружие России» есть небольшая статья о нем и помещено фото... Открытое русское лицо с правильными чертами, волевой – с «ямочкой» – подбородок. Одет в солдатскую гимнастерку, виднеется ремень португеи. Не ученый, не инженер – просто старший мастер-механик. Но «сталинский» лауреат!

Родился в селе Синявка Рокитянского уезда Киевской губернии, в 1928 г. окончил там же школу-шестилетку и поступил учеником токаря в одесскую экспериментальную мастерскую по изобретательству. Украинский хлопчик с Киевщины уже в раннем детстве узнал, что такое жизнь, смерть, кровь – те места гражданская и прочие войны зацепили крепко. А новая страна звала к жизни, и он работал, быстро набирая мастерство. На войну ушел с завода № 5 Северной железной дороги в Подмосковье, служил рядовым в 26-м военно-дорожном отряде – вначале по дорожным машинам, затем – в управлении отряда по ремонту пишущих и счетных машин и часов. Не передовая, но у каждого – своя война. К тому же, случалось всякое... Однажды, находясь в танкоремонтной бригаде, Петр попал с танкистами в окружение... Сумел на маленьком станочке сделать вышедшие из строя детали, восстановил боеспособность танковой роты и с ней вышел из окружения. Об этом подвиге писали в газетах.

Война есть война, и Ярытик прошел ее всю – от медали «За оборону Москвы» до медалей «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией». Вернулся на завод № 5, через три года был откомандирован в КБ-11.

Прибыв в КБ-11 20 июня 1948 г., слесарь-универсал 8-го разряда быстро вошел в число признанных умельцев на все руки, в 1950 г. генерал Зернов подписал приказ о назначении ему персонального оклада в две тысячи рублей – сумма по тем временам немалая. К 1954 г. Петр Андреевич имел пять авторских свидетельств.

В КБ-11 уже тогда подобралась сильная группа тех, кто, формально считаясь рабочим, фактически имел не просто инженерный склад ума, но еще и золотые руки. Таким был, например, Михаил Алексеевич Канунов – впечатляющий тип русского Левши. Во время войны он тоже служил в различных частях оружейным мастером, техником по приборам. Демобилизовавшись, вернулся в Саров на завод № 550 и вместе с его коллективом влился в формирующийся коллектив КБ-11 – вначале мастером по точной

М. А. Канунов

механике в цех № 3. Но потом Вениамин Аронович Цукерман хитрыми, что называется, обходными маневрами добился от Павла Михайловича Зернова перевода Канунова к себе.

Михаил Алексеевич был уникалом – он мог с помощью бинокулярной лупы на металлической пластинке площадью в один квадратный милли-

метр выгравировать полностью свои имя, отчество и фамилию. У Цукермана собралось и еще несколько тех, кого раньше называли «файн-механик» («тонкий механик», «изящных дел мастер»), – слесарей и стеклодувов. Из этой же когорты был и Петр Андреевич Ярытик.

В 1953 г. за вклад в разработку технологии и изготовления нейтронного источника для первого советского термоядерного заряда РДС-6с Ярытик удостоился звания лауреата Сталинской премии III степени и ордена «Знак Почета». Он всегда приобщался там, где требовались высокая точность работы и изобретательность. В число таких работ входило и создание «нейтронных запалов».

Процесс изготовления тогдашних нейтронных источников – паяных из полусфер полых герметичных шариков малого диаметра – был не только тонким, сложным и кропотливым.

Макет термоядерного заряда РДС-37

Процесс был еще и токсичным, и крайне радиационно опасным, несмотря на то, что по «штатной» технологии работы велись в изолирующем боксе. В ходе работы уровень облучения нейтронами нередко превышал допустимые нормы в 10–20 раз.

Летом 1954 г. возникла идея нового нейтронного источника... За давностью лет точное его назначение установить сейчас вряд ли возможно, но, судя по времени, он разрабатывался в интересах перспективного термоядерного заряда РДС-37. Так или иначе, идея была актуальна в рамках задач по созданию принципиально новых схем ядерных зарядов.

К работам были привлечены квалифицированные сотрудники, но дело не ладилось. Конструкция была новой, технология – неосвоенной. В итоге начальство решило, что если кто и сделает все как надо, то это – Ярытик. Петр Андреевич был в отпуске, однако его отозвали, и он не отказался, узнав о важности, срочности и ответственности задания.

Его товарищи вспоминали, что он имел веселый нрав, любил жизнь... Трудовой человек, он жил на улице с хорошим названием – улице Труда... Сейчас такой улицы в городе нет, как нет и старофинского поселка, где она была.

Начинался июль. Лето в разгаре, липовый аромат смешивается с ароматом сосен, лес полон грибов и ягод, река блистает чистотой... Дома – жена и четыре дочки, в будущем красавицы. Младшей исполнилось три с половиной года.

Можно лишь гадать, о чем Петр Андреевич думал, идя в тот солнечный день от семьи на работу, к отдельно стоявшему «горячему» («грязному») домику, где проводились опасные операции. Но стоит ли о том гадать, если даже сухая фактическая «канва» того дня выявляет его трагическую простоту и нравственное величие Ярытика?

А факты таковы... Во-первых, герметичная пайка вначале не удавалась и «файн-мастеру». Во-вторых, выполнить работу качественно при соблюдении норм техники безопасности не получалось. Это – тоже факт. Как фактом является и то, что уже после удачной, вроде бы, пайки зачищенный шов герметичности не показал, и

пришлось все перепаивать, опять сознательно пренебрегая личной безопасностью, то есть нарушая все ту же ТБ...

В итоге работа была выполнена качественно, а Петр Ярытик через несколько дней – 10 июля 1954 г. – скончался сорока одного года от роду с легкими, превратившимися в труху. Он слег почти сразу, но еще успел ответить на вопросы комиссии, расследовавшей «ЧП», и даже успел написать объяснительные – возможно, и по сегодня лежащие в архивах не рассекреченными. Передо мной распечатка давней – тоже уже давней – статьи о Ярытике, написанной в 1994 г. кем-то из его тогдашних коллег под псевдонимом «Алексей Неистовый», где есть и такие строки: «Аналогии не всегда уместны, но из акта о несчастном случае так и выпирало: солдат, спасая товарищей, закрыл своим телом амбразуру вражеского дота; а затем про него: он нарушитель, знал, что нельзя, но закрыл...».

Да, бывало и так...

Впрочем, факт подвига не отрицали. Поэтому звучали тогда и предложения назвать именем Ярытика улицу, однако на предложениях все и закончилось.

Жаль.

Возможно, фактом, а, возможно, и легендой является рассказ о том, что когда Петр Андреевич вышел на свежий воздух, отдышаться после очередной попытки пайки, его друг сказал ему:

– Петр! У тебя семья, четыре дочери. Подумай, что ты делаешь?

А в ответ услышал:

– Я знаю, как нужно эту работу сделать, и я ее закончу. Ведь на меня надеются, и подвести я не могу.

Может, это и легенда, но о мелких духом людях легенды не складывают. Все тот же Алексей Неистовый в несколько пафосном стиле, но, по существу, точно, написал: «Петр Андреевич встает в моей памяти духовно сильным, гордым человеком, любившим труд, ценившим честь рабочего и, что особенно важно, бережно поддерживавшим трудовую марку умельца. Ему было чем гордиться и что поддерживать – он был мастер своего дела, большой мастер, талант...».

Но Петр Андреевич был еще и героем. На войне он выжил, хотя в тылах не отсиживался и выполнял свой долг так, как и положено его выполнять русскому солдату, советскому человеку. На войне, которую он прошел чаще с пинцетом и отверткой в руках, чем с автоматом, гибли и совершали яркие подвиги другие, но это были люди его поколения, его эпохи. Ответственность

перед ними за страну, за которую они отдали жизнь, такие как Петр Ярытик, не ощущать не могли. И Ярытик ее, конечно, ощущал. Потому и сделал то, что сделал, совершив уже свой подвиг, и, по сути – на той же войне за будущее советской Родины.

Если бы не такие как он, не было бы ни победы в Великой Отечественной войне, ни успеха в послевоенной борьбе за ликвидацию атомной монополии США и обретение ядерного паритета с Америкой.

Память о Ярытике не отложилась в истории КБ-11/ВНИИЭФ прочно – как о том же Канунове, что, вообще-то, объяснимо – Петр Андреевич ушел слишком рано. Хотя и через десятилетия за коллективным праздничным столом иногда звучал тост в его память.

ЛЮДИ ПОМНИЛИ...

В его время жертвенность – если она требовалась – воспринималась много будничнее. Алексей Неистовый вспоминал, что они с Александром Ивановичем Павловским, будущим академиком, лауреатом, Героем Социалистического Труда, закрывались от потока нейтронов экраном из пятимиллиметрового свинца, а впоследствии поняли, что здесь требуются метровой толщины бетонные стены. Не все тогда знали так, как знают сейчас, да и лихость была в чести. Молодой инженер Павловский демонстрировал почти смертельный (буквально) номер – прикуривал от тонкого мерцающего сфокусированного пучка ускоренных ионов.

А Петр Ярытик пошел на смертельный риск уже не бравирова, а в силу производственной необходимости, которая – с учетом того, над чем работали в КБ-11 – оказывалась сродни исторической необходимости государственной важности.

Такое было время...

БРЕЗКУН Сергей Тарасович –

с.н.с. отделения 17, профессор Академии военных наук